

0-734087-1

Санкт-Петербургский государственный
университет

на правах рукописи

Павлов Алексей Игоревич

«Кольцевая сегментация в русской прозе XIX -XX веков»

Специальность 10.02.01 - русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Санкт-Петербург

Работа выполнена на кафедре русского языка Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель- Доктор филологических наук, профессор
Галина Николасвна Акимова

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, доцент Белунова Нина Иосифовна
кандидат филологических наук, доцент Старовойтова Ирина Александровна

Ведущая организация: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Защита диссертации состоится *22 мая* в *16* часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.18 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при СПбГУ по адресу 199034 СПб., Университетская набережная д. 11, Филологический факультет СПбГУ, ауд. 195

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М.Горького СПбГУ

Реферат разослан « *01 апреля* » 2003 года

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Аверина С.А.

Актуальность исследования

Само выделение кольцевой сегментации /КС/ как приема экспрессивного синтаксиса актуально и перспективно в свете новейших теорий о тексте. Создание новой иерархии текстовых составляющих с учетом КС дает более широкие возможности для понимания текста читателем, а также предлагает новый механизм декодирования структуры. КС указывает на более строгое разграничение текстов на основе авторской экспрессии, заключенной в них, что может стать важным критерием описания стиля не только самого автора, но и целой литературной традиции, к которой он принадлежит.

Принципиально противопоставление КС абзацу и СФЕ /сверхфразовому единству/, как элементам текста, которые уже нашли свое подтверждение в целом ряде научных работ, а их существование в тексте не вызывает сомнений. Именно в указанном противопоставлении выявляется особая экспрессивная природа КС, которая не вытесняет уже известные единицы текстового уровня, а дополняет их, характеризуя или отдельные специфические тексты, или сюжетные линии в них.

Необходимо привести пример КС, чтобы дать представление о предлагаемом термине. Появление КС во введении правомерно, так как сам термин как и обозначаемое им явление является новым для изучения текстовых составляющих. Ср:

Антон Пафнутийч замолчал, усталость и винные пары мало-помалу превозмогли его боязливость, он стал дремать, и вскоре глубокий сон овладел им совершенно.

Странное готовилось ему пробуждение . Он чувствовал сквозь сон, что кто-то тихонько дергал его за ворот рубашки. Антон Пафнутийч открыл глаза и при бледном свете осеннего утра увидел перед собой Дефоржа: француз в одной руке держал карманный пистолет, а другою отстегивал заветную суму. Антон Пафнутийч обмер.

- Кесь ке се, мусье, кесь ке се, - произнес он трепетным голосом.
/ А.С. Пушкин: «Дубровский»/.

КС представляет собой оформленную по принципу кольца порцию информации (сегмент), первое актуализирующее предложение которой называет тему дальнейшего-

пояснение, выраженное сложной синтагматической конструкцией. Таким образом, перед нами тема и ее развертывание. Завершение всей ситуации КС формально выражено в ее последнем актуализирующем предложении. Такой прием создает сюжетное напряжение, а также способствует быстрому развитию сюжетных линий.

Предмет исследования. Предметом данного исследования является КС как новый текстовый фрагмент с своеобразной структурой и функциями в произведении. Следует отметить основные черты КС и представить ее структурные разновидности. Во-первых, отмечаем, что КС: 1) выделяется по формальному признаку кольца, 2) семантически может быть неоднородна, 3) допускает различные вариации в своей структуре.

При этом неизменными во всех случаях подобной трансформации остаются две функции КС в тексте: информативная и экспрессивная. Следовательно, с одной стороны, КС сближается по своим функциям с абзацем, а, с другой, существенно от него отличается.

КС – это экспрессивный вариант абзаца, который заключается в выделении текстового фрагмента на основе четкой структуры (простые предложения составляют кольцо, а между ними находится разработка, в которой заключены сложные), выступающий только в произведениях художественной прозы.

Объект исследования. При определении объекта исследования исходим из сложившейся концепции о текстовых составляющих. Исходя из нее указываем на своеобразное место КС, а также на изменения, которые произошли с исследуемым фрагментом на протяжении XIX - XX веков. Особенности основных преобразований в структуре КС отвечают динамике языковых процессов, например, увеличение доли имплицитного в тексте и сокращение эксплицитно поданной информации.

Цель настоящего диссертационного исследования – анализ приема кольцевой сегментации в русской прозе XIX - XX веков.

Задачи работы :

1. Выделение КС в ряду текстовых составляющих, прежде всего относительно абзаца и СФЕ;
2. Установление предпосылок к возникновению КС в художественной литературе;
3. Описание грамматической структуры КС и исследование вариантов структуры;

4. Установление связи между изменением самой структуры КС с общими тенденциями внутри кодифицированного русского литературного языка в каждую из эпох;
5. Определение особенностей употребления КС А.С. Пушкиным, И.С. Тургеневым, Ф.М. Достоевским, И. Бабелем и др.

Материал исследования

Исследование выполнено на материале 1450 КС, обнаруженных в художественной прозе А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, И. Бабеля, С. Довлатова и др. При этом необходимо разделить используемый материал с точки зрения его значимости для достижения поставленных целей.

Проза А.С. Пушкина представлена в работе достаточно широко, так как именно в ней КС впервые выступает как своеобразная синтаксическая структура. В произведениях И.С. Тургенева КС описывает отдельные, наиболее значимые сюжетные линии. В текстах Ф.М. Достоевского интересна сама возможность включения КС в произведение в тех случаях, когда отсутствует субъективная модальность. Рубеж веков в литературе интересен с точки зрения изменения структуры и разработки КС и представлен в исследовании в основном в произведениях А.П. Чехова и И. Бабеля. Короткие романы С. Довлатова подводят хронологический итог исследования. Все остальные произведения приводятся в качестве дополнительного иллюстративного материала.

Методом работы признаем описательный анализ материала. Сам материал размещается согласно принципу: от общего к частному. Сначала описываются особенности КС с точки зрения литературных традиций и жанров и только в конце соответствующей главы приводится индивидуально авторское использование. Используя прием сплошной выборки материала, особое внимание уделяем статистическим показателям распространения КС в разных жанрах и прозе писателей.

Основные положения работы были представлены в докладах на конференциях в Санкт-Петербурге, Москве, Гонг-Конге, а также в рамках юбилейного заседания кафедры

русского языка, посвященного 200 - летию со дня рождения А. С. Пушкина, и 14 научных статьях автора.

Теоретическая значимость и новизна исследования работы заключается в том, что КС вносит вклад в разработку проблематики, связанной с лингвистикой текста. Идея гармоничного совмещения в пределах одной структуры формальной выраженности абзадных рамок и насыщенного семантического наполнения СФЕ представляется вариантом разрешения полемики о совпадении-несовпадении абзаца и СФЕ в пользу последнего. КС является результатом синтеза двух этих единиц /объединяя формальную и семантическую сторону в своей структуре/ и указывает на их автономность в тексте.

Новизна исследования заключается, во-первых, в том, что привлечены не только разные по времени написания произведения, но и отличающиеся друг от друга принадлежностью к той или иной литературной традиции. Во-вторых, исследуемое текстовое образование, заключая в себе как грамматические, так и стилистические особенности, является аргументом в пользу комплексной трактовки текстов. Определяя текст как организм, построенный на соединении отдельных фрагментов (КС) с необходимыми языковыми скрепами, указываем на комплексность восприятия читателем данного текста в условиях повышенного внимания (экспрессивно-выделительная функция КС). Это справедливо по отношению к текстам, где КС выполняет стилеобразующую функцию. Во всех остальных случаях комплексность прочтения, под которой понимаем экспрессивность всего изложения, оформленного КС в ее стилистической функции, заменяется комплексностью трактовки отдельных сюжетных линий. Человеческая память акцентируется на основных решениях отдельных конфликтов и проблем в произведениях. Таким образом, вся маркированная с точки зрения экспрессии информация в произведении размещается в отдельно взятых КС, усваивается человеком и выстраивается в определенной иерархии, согласно ряду признаков (временная отнесенность каждого из текстов, литературная традиция, жанровая специфика и т.д.).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в рамках университетских курсов по стилистике и анализу текста, а также представляет собой материал для отдельного спецкурса по проблемам анализа текстов с особой экспрессивной насыщенностью. В процессе обучения

иностранных студентов русскому языку КС становится основой для комплексного анализа текста /под которым понимаем синтез навыков и умений по грамматике, чтению и разговору/, а также обучению навыкам быстрого чтения.

Основные положения работы

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы.

Во введении дается определение кольцевой сегментации /КС/ как экспрессивного варианта абзаца, указывается на правомерность выделения нового текстового фрагмента, а также очерчиваются основные цели и задачи исследования.

К анализу привлекаются тексты авторов пушкинской традиции, то есть те, в которых присутствует как синтагматическая, так и актуализирующая проза.

Обратим внимание на две составляющие предлагаемого нами термина: *кольцевая сегментация*. С одной стороны, отдельно взятый фрагмент указанной структуры в тексте понимается как кольцевой сегмент, а последовательность КС и соответственно определенная стилистическая функция в оформлении текста приобретает значение роцессуальности, что отражается в термине *сегментация*.

Талья длилась долго. На столе стояло более тридцати карт Чекалинский останавливался после каждой прокидки, чтобы дать играющим время распорядиться, записывал проигрыш, учтиво вслушивался в их требования, еще учтивее отгибал лишний угол, загибаемый рассеянною рукою. Наконец талья кончилась. Чекалинский с тасовал карты и приготовился метать другую.

/А.С.Пушкин: «Пиковая дама»/

Также следует обратить внимание на воспроизводимость КС. Автор при написании текста использует определенный код, с помощью которого реализуется информация. Для того чтобы адекватно воспроизвести заложенный в тексте смысл, читатель должен

обладать не только сведениями о стиле писателя, но и об указанном коде, который в данном случае представляет собой особую структуру КС.

Под актуализирующим предложением понимаем в данном случае простое предложение, то есть моносубъектное, допускающее некоторые осложнения только на уровне однородных членов. Сама возможность трактовать предложение как полисубъектное исключает его употребление в качестве зачина или концовки КС.

Формальная структура КС - это два простых предложения в начале и конце абзаца и некоторое количество сложных в середине отрывка. Целесообразно говорить о КС как об экспрессивном варианте абзаца, который, не потеряв его текстовых функций, добавил новые, во многом отвечающие современным требованиям повествования. В свою очередь, данный факт объясняет вторую часть предлагаемого термина. Сегментация или выделение в тексте КС как особой структуры, связанной с авторским отношением и претендующей на позицию своеобразного экспрессивного повествования, определяет также сами тексты и возможности употребления в них предлагаемого явления.

Следовательно, КС представляет собой чередование типов прозы по схеме: Ап - Сп - Ап, где А - предложение актуализирующей прозы, С - синтагматической /входятся в разработку отрывка// и п - количество единиц последнего и полюсов рассматриваемого сегмента соответственно. В приведенном примере перед нами нормативная схема, которая выглядит как: А1 - С1 - А1. При этом количество сложных предложений может быть больше одного, так как это не нарушает базовой модели КС. Обычно в прозе XIX века в разработке КС находим более двух предложений синтагматической прозы.

Кольцевой сегмент может быть *равносложным и неравносложным*. Под равносложным КС понимаем одинаковое количество предложений актуализирующей прозы в зачине и финале абзаца. Неравносложный сегмент подобным соответствием не обладает.

Научная литература, которая приводится в исследовании, посвящена прежде всего описанию синтаксиса простого и сложного предложения, проблемам анализа текста, а так же работам, посвященным особенностям стиля отдельных авторов.

С одной стороны, описание общих закономерностей функционирования КС в тексте идет со времени ее становления в исходных жанрах как стилистического приема до настоящего времени. В этой связи данная работа учитывает материал всех прозаических произведений Пушкина (появление и становление КС - 112 случаев употребления),

Тургенева (закрепление в качестве одного из экспрессивных вариантов стилистической нормы литературного языка, формирование жанровых особенностей функционирования - 327 случаев употребления), Довлатова (современное состояние, произошедшие изменения и тенденции дальнейшего преобразования - 84 случая употребления). Кроме того, творчество каждого из названных авторов располагает одним примером произведения, в котором КС выполняет стилиобразующую функцию. Контактное расположение двух КС тем не менее является достаточно редким событием в тексте.

Время шло медленно. Все было тихо. В гостиной пробило двенадцать; по всем комнатам часы одни за другими прозвонили двенадцать, - все умолкло опять. Германн стоял, прислонясь к холодной печке. Он был спокоен; сердце его билось ровно, как у человека, решившегося на что-нибудь опасное, но необходимое. Часы пробили первый и второй час утра, - и он услышал дальний стук кареты. Невольное волнение овладело им. Карета подъехала и остановилась. Он услышал стук опускаемой подножки. В доме засуетились. Люди побежали, раздались голоса и дом осветился. В спальню вбежали три старые горничные, и графиня, чуть живая, вошла и опустилась в вольтеровы кресла. Германн видел в щелку: Лизавета Ивановна прошла мимо его. Германн услышал ее торопливые шаги по ступеням ее лестницы. В сердце его отозвалось что-то похожее на угрызение совести и снова умолкло. Он окаменел.

/А.С. Пушкин: «Пиковая дама»/

Подобное контактное расположение КС может быть объединено в СФЕ, так как передает единство тем. Событийность, которая осуществляет движение сюжета и связана с графиней, сочетается с состоянием героя повествования. Это в большей степени относится ко второй КС, которая заканчивается предложением - Он окаменел -, указывающим на прекращение всех внешних и внутренних действий и процессов. Первая КС в этом отношении представляет ожидание и нагнетание сюжетного напряжения, что достигается соотношением состояния Германна с ходом времени.

Все остальные произведения других авторов приводятся в целях показательности функционирования КС, а приведенная статистика отражает объективное количество КС в

литературе XIX - XX вв. При этом важно время появления рассматриваемого явления как литературного факта, а также его соотношение с различными литературными традициями. До А.С. Пушкина в русской литературе существовала традиция, которая опиралась главным образом на синтагматическое начало, что выражалось в сложных предложениях с обилием осложнений как по линиям субъекта, так и предиката. Такое положение вещей не могло способствовать выделению КС, так как не было самих грамматических условий для этого. Отдельные фрагменты текстов, оформленных КС, встречаем у Гоголя. Принципиально ситуация изменилась в прозе Пушкина. Именно по этой причине ей уделяется в работе одно из ключевых мест. Инновации Пушкина в стиле художественного повествования, имевшие одним из своих результатов, в частности, создание "упрощенной", актуализирующей прозы, отчетливо отразились в явлении КС. Произведения Тургенева включают КС на правах экспрессивного средства, описывающего наиболее важные с сюжетной точки зрения ситуации. Таким образом, КС уже воспринимается как один из полноправных элементов текстовой структуры, что важно для процесса ее становления и осознания читателем. Проза Довлатова отражает характерные для XX века изменения, выразившиеся в доминировании имплицитного над эксплицитным. Происходит перераспределение ролей, при котором быстрота сменяющих друг друга действий и событий уже не может быть описана с той тщательностью, которая отличала, например, толстовскую традицию в прозе. Уменьшение объема КС, но не снижение количества используемых композитов, очерчивает итог развития КС за два века, а также указывает на перспективы ее дальнейшей трансформации.

В первой главе "Лингвистическая природа кольцевой сегментации" автор обращается к проблеме особенностей структуры КС и ее вариативности. Особого внимания заслуживает выделение тех осложнений простого предложения, которые не препятствуют его включению в актуализирующее кольцо исследуемого фрагмента.

КС также содержит в себе известную долю недосказанности, которая увеличивается пропорционально уменьшению объема рассматриваемого явления. Начало и конец КС, оформленные простыми предложениями, в которых преобладает совершенный вид глагола, вполне оправданы с точки зрения раскрытия смысла и логики мыслительного процесса. Значение процессуальности, которое доминирует в разработке КС и создается глаголами НСВ, описывает обычно состояние природы или человека, интерьер помещений и так далее. Другая разновидность разработки КС -

повествование, построенное на глаголах СВ, которые инициируют сюжетное движение. При помощи СВ достигается быстрота смены действий или же на первый план выходит значение единичности действия. Следует указать на то, что разработка - это текст, находящийся между предложениями кольца исследуемого сегмента.

Содержание отрывка задается первой фразой КС, получает свое развитие в синтагматической разработке отрывка и завершается последним простым предложением. При этом именно на этом примере рассмотрим вариант структуры КС, когда простые предложения включаются в синтагматическую разработку отрывка и приносят новую тему. Во всем материале таких примеров 36. В этом случае автором преследуется цель акцентировать внимание читателя на смене тематической доминанты внутри КС. Это составляет движение сюжета. Основная структурная разновидность КС отражает главные черты движения сюжетного действия самого текста. Следовательно, КС понимается как микротекст со своим логическим единством составляющих.

Ситуация, которая складывается в нормативной КС, предполагает существование всей совокупности этих средств. *Композиционное сегментирование* - уровень текста, на котором читатель сталкивается с экспрессивной структурой КС, позволяет передать субъективно-модальные и эмоциональные оттенки отношения автора к сообщаемому. Таким образом, констатируем существование авторской модальности, получающей выражение в тексте в форме экспрессивной структуры КС с возможностью включать элементы субъективной модальности на фразовом уровне. КС, таким образом, как с точки зрения структуры, так и семантики должна восприниматься как некий *авторский код*. Ср:

Борьба с ксендом длилась три десятилетия.

Потом казацкий разлив изгнал старого монаха
из его каменного и пахучего гнезда, и Аполек -
о, превратности судьбы - водворился в кухне
пани Элизы. **И вот я, мгновенный гость, пью по
вечерам вино его беседы.**

/ И. Бабель: «Конармия» /.

Явление КС - это экспрессивный фрагмент текста, продукт выделения автором композиционно значимых идей произведения. Своеобразие финалов КС указывает на

широкие функции предлагаемого явления не только в акцентировании наиболее релевантных ситуаций, но и связи их с последующим повествованием, а сложность его грамматической организации - на его специфичность и одновременно автономность в описании и повествовании.

Выделяя простые предложения графически, обозначаем кольцо ситуации и указываем на одинаковое положение простых предложений на ее полюсах. Так выглядит исходная модель. При этом предложение начала является простым, так как представляет собой реализацию модели S+P (субъект+предикат). Осложнение за счет однородных сказуемых является по существу единственным возможным в данном случае. Увеличение количества субъектов ситуации /даже при повторном возможном употреблении идентичного субъекта/ неизменно ведет к усложнению конструкции, а следовательно и пропозитивных установок. Известно, что в последнее время в языке идет свертывание сложных предложений и увеличение числа девербативных, деадъективных, инфинитивных оборотов и вставных конструкций. Это не весь, но основной круг усложняющих модель предложения факторов. При этом возникает вопрос о том, как классифицировать предложение, в состав которого входит, например, отглагольное существительное. Синтаксический дериват может пониматься как носитель не только дополнительной предикации, но и дополнительного субъектного плана. На наш взгляд, это не совсем справедливо. Предложение зачина, которое содержит указанный языковой элемент, с его помощью связывается с предыдущей ситуацией. Иными словами, отглагольное существительное предстает в функции внутрисюжетной скрепы, а с точки зрения организации предложения - это скорее не дополнительная предикация с перспективой обнаружения второго субъекта, а сложности структуры всей фразы, а актант в системе простого предложения.

Все версии межпредикативных отношений могут быть объединены в классы по характеру отношений между полупредикативными единицами в составе предикативной конструкции. Предикативные структуры в рамках полипредикативной конструкции могут различаться (или не различаться) степенью смысловой самостоятельности, самодостаточности. Именно этой самостоятельности и не хватает синтаксическим дериватам глагола, чтобы стать полноправными конструкциями, включающими в себя предикативный минимум. Осложнения причастными и деепричастными оборотами следует воспринимать как свернутое представление пропозиции.

Таким образом, рассматриваем подобные включения синтаксических дериватов в начальное предложение как атрибут, который передает дополнительный признак. Имеются в виду причастия, которые занимают препозицию к определяемому существительному и несут значение признака предмета или явления, то есть во многом похожи на прилагательные. Следовательно, важна также сама позиция причастия.

В зачатке и финале допускается осложнение однородными сказуемыми. Второстепенные члены также могут включаться в простые предложения кольца. Однородные сказуемые не обладают необходимыми характеристиками, чтобы оформить сложное предложение. Однородные члены - это своеобразное пояснение, которое затрагивает строго одну грамматическую сферу, будь то предикация (однородные сказуемые) или атрибутивность (однородные определения). Комплексного осложнения нет, а потому нет и предпосылок рассматривать такие конструкции иначе как простые предложения, одна из осей которых осложнена дополнительными характеризующими и необязательными членами. Данная проблема решается учеными неоднозначно, но в предлагаемом исследовании автор придерживается указанных выше взглядов.

Иначе решается вопрос с вводными словами и выражениями. Они сами по себе были созданы для выражения отношения говорящего к действительности. При этом, по природе экспрессивные, они не вносят ничего нового с точки зрения структуры предложения. Пропозиция предложения остается прежней, а потому вводные конструкции будем рассматривать как осложняющие компоненты структуры простого предложения. Таким образом, за вводными выражениями признаем роль экспрессивных маркеров, которые усугубляют выделенность всей конструкции, обращая внимание читателя на происходящее на фразовом уровне. Нарушения целостности монопредикативной структуры не наблюдается.

Деепричастия осложняют предикативный минимум простого предложения. Это ведет к разворачиванию ситуации, тщательному пояснению качества совершаемого действия на семантическом уровне и возможности синтаксической замены конструкции сложноподчиненным предложением на синтаксическом. Следовательно, при подобных трансформациях перед нами предстает предложение синтагматической прозы. Традиционно деепричастие понимается как двоякая структура: с одной стороны - это распространитель по линии предикации, так как деепричастие или оборот с ним легко разворачивается до размера однородных сказуемых или сложного предложения обычно с

временным значением. Совершенно ясно, что деепричастия несут дополнительную информацию, увеличивая и усложняя семантическое ядро предложения.

С другой стороны, однородные члены, определения, а также вводные слова обладают аналогичными функциями. Деепричастие несовершенного вида представляет одновременно и действие и признак протекающего параллельно основного действия. Подобный вывод возможен на основании общности функций в предложении. Рассмотрим данное заключение на примере абзаца, который не является КС. Ср:

Закуривают. Стоят друг против друга у окна и курят: парень торопливо, шумно ~~вдыхая~~ от удовольствия, Кузьма – привычно и спокойно. Дым ползет по коридору в хвост вагона и там, ~~покрутившись~~, теряется.
/Валентин Распутин: «Живи и помни» /.

И первое, и второе деепричастие создают определенное структурно-семантическое единство с глаголами в своих предложениях. В этом их сходство, как и в том, что они могут быть развернуты до сложноподчиненного предложения. Только в первом случае в условиях одновременности протекания действия деепричастие в большей степени тяготеет к замене на однородное сказуемое, а во втором случае / последовательность действий/ - на придаточное с союзом следствия. С точки зрения семантики можно трактовать простое предложение с осложнением в виде деепричастия /В.А. Ицкович: 1974, 80/, которое не обладает достаточной самостоятельностью, а потому, по мнению автора, не может составлять отдельное придаточное предложение, или как сложное с семантической импликацией /Т.А. Колосова: 1980, 56/, заключающейся в расширении структуры простого предложения, но не на формальном, а на семантическом уровне., простое с достаточно большой глубиной и переходную конструкцию, не укладывающуюся "... в предложенную плоскостную схему синтаксического поля" /Л.П. Иванова: 1991, 59/. Большинство ученых придерживается последнего, наиболее осторожного варианта. В данной работе также высказывается несколько осторожная позиция, не подтверждающая ни одну из точек зрения. Не все деепричастия способны создавать полипредикативную модель предложения. Хотя отметим, что таких большинство. В частности, все те, что имеют семантические отношения, заложенные также и в сложноподчиненных конструкциях, то есть с временным, пространственным и рядом других значений.

На наш взгляд, можно соотнести деепричастия со сравнительными оборотами в том смысле, что в обоих случаях перед нами осложнение структуры предложения. При этом, деепричастия указывают на увеличение предикативной оси, а сравнительный оборот дает более детальную картину качества объекта, субъекта или целой ситуации. В каждом из указанных случаев формальное осложнение структуры ведет к существенным семантическим сдвигам. Этот факт позволяет говорить не об осложнении простого предложения, а о появлении сложной структуры.

Таким образом, КС отличается тем, что по сути является двойкой структурой. Это способ декодирования наиболее важной в сюжетном отношении информации. Читатель видит определенный знак, заключающийся в самой экспрессивной структуре КС, а далее уже на подсознательном уровне происходит считывание информации, заложенной в отрывке. Такая же модель работает в сигнальных и прочих знаковых системах. В отличие от абзаца и других текстовых единиц, важно то, что роль КС в тексте всегда однозначна. Почти одновременно происходит второй процесс, при котором экспрессивность и выделенность сюжетной линии ассоциируется с точной структурой КС.

Очевидно, что причастия НСВ и СВ могут быть "развернуты" до зависимой конструкции в составе сложного предложения. Предложения, осложненные причастиями и причастными оборотами, не всегда могут становиться частью актуализирующих предложений кольца рассматриваемого сегмента. Атрибутивная позиция согласованного определения /то есть перед определяемым словом/ способствует этому. Напротив, постпозиция по отношению к характеризуемому номинанту указывает на дополнительный элемент осложнения предикативной ситуации предложения. Формально в данном случае исходим из пунктуационной нормы.

Принятый в настоящей работе формальный подход позволяет дать однозначные грамматические характеристики КС: любые причастные образования, стоящие в препозиции, трактуются как атрибуты, не вносящие изменения на уровне предикативности предложения, а, следовательно, не несущие его осложнения до структуры сложного. Существует по крайней мере два основных показателя осложнения причастием структуры предложения и создания сложного предложения. Это краткие причастия, которые как и краткие прилагательные выступают в предложении в позиции предиката и констатируют факт совершенного действия.

Осложнение простого предложения до сложной структуры идет по пути обособления определений различной грамматической природы. При этом многие средства сосуществуют в рамках зачина и финала КС. Процесс осложнения в основном достигается введением новых субъектов, а также осложнения глагольной перспективы привлечением подчинительных конструкций. Следовательно, в идеале кольцо КС составляют предложения с одним субъектом, чаще нерасчлененные, допускающие в своем составе осложнения по линии предикации.

Предложения с субъективной модальностью учитываются в материале исследования как один из вариантов кольца рассматриваемого сегмента, но также отметим, что они нечастотны и нехарактерны для КС.

Укажем на то, что глагольный вид, глагольное время, лексико-семантические группы глагола, а также некоторые другие из затронутых проблем, чрезвычайно важны для понимания природы КС. Исследуемое явление включает в себя весь спектр грамматических проблем, связанных с глагольной перспективой в тексте и его синтаксической парадигмой. Лексическая семантика и авторский код повествования, в той или иной степени включающий субъективную модальность в разных ее проявлениях, связь с типами прозы, предсказующая и ретроспективная функции глагола – все это помогает установить место КС в системе макротекста.

В последнее время появилось несколько работ, посвященных анализу текстовых составляющих в условиях регистровой концепции. Стало очевидным, что теперь необходим новый подход к интерпретации текста как такового, который бы учитывал произошедшие изменения. Наибольший интерес представляет теория Г.А. Золотовой о коммуникативных регистрах. Данная концепция может быть применена к теории КС. Очевидно, что указанная проблема также связана с разграничением КС и других текстовых составляющих.

Главную позицию в КС занимает стратегия (D), которая ориентирована на читательское восприятие. Тактика (C) как сама идея кода незримо присутствует в этой степени, практически совмещаясь с ней. Две другие степени (A), (B) представляют собой индивидуальные признаки каждой из отдельно взятых КС. На степенях A и B обнаруживаем структурно-семантическое значение типовой единицы, то есть состав разработки и кольца исследуемого сегмента. Именно на этом этапе происходит распознавание синтаксических структур, морфологического состава, лексического

наполнения ситуации, что в конечном итоге определяет индивидуальный стиль каждого из авторов, стиль эпохи и динамику изменения языка. Наименее значимой из всех признаем регистровую закреплённость, так как КС обычно сочетает в себе несколько регистров в их сочетании, а потому выявить закономерности, связанные с регистрами и особенностями исследуемого явления на данном этапе представляется достаточно сложным. Возможно, это станет предметом дальнейших исследований. В данный момент необходимо отметить невозможность участвовать в формировании КС волюнтивного и нечастотность, нехарактерность для структуры КС реактивного регистра. Таким образом, в случае со стилиобразующей функцией КС в тексте имеем дело с цельным неразрывным смыслом, получаемым путем моторного конструирования, то есть информация, которую реципиент получает в процессе чтения, преобразуется согласно известным законам, в частности, структуры КС. Это и есть декодирование КС. Основной принцип при этом – соответствие заранее выбранному коду. Так, если автор предлагает КС как приоритетный способ передачи основных смысловых доминант в произведении, то перспектива всего текста есть строгая последовательность КС, создающих микротекст сравнительно автономно, то есть без значимого участия других элементов. Получаем текст как последовательность КС. Например, “Пиковая дама” А.С. Пушкина. Само произведение должно быть небольшого объема, а присутствие других элементов кроме КС признаем периферийным.

Отметим, что глаголы, которые входят в кольцо сегмента, осуществляют связь сегмента с предыдущим и последующим повествованием и обладают ретроспективной и предсказующей функцией.

В пределах КС вид и время тесно связаны друг с другом, что обеспечивает, в первую очередь, гармоничное развитие сюжетного действия.

Совершенный вид обычно выступает в финале ситуации КС, подчеркивая ее фактивность, либо оформляет синтагматическую разработку или наиболее важные ее части, являясь стержнем повествования.

Вид и время глаголов образуют единую систему, обуславливающую как выбор конкретного типа речи, так и смысловую доминанту отрывка.

Диалог не может включаться в КС на основе синтагматической разработки по причине своей ориентированности на возможный ответ со стороны собеседника, который

невозможен в условиях закрытости и тематической завершенности структуры КС. В редких периферийных случаях КС может совпадать с репликой диалога.

Совмещаясь по функциям и по форме с КС, реплика диалога становится разновидностью субъективированного повествования. Существенным минусом такого повествования следует признать отсутствие абзацных отступов, то есть теряется один из формальных критериев выделения КС в тексте. Именно этот факт позволяет говорить о перспективности дальнейшего исследования КС как элемента, не всегда связанного с формальными границами абзаца.

Вторая глава “Кольцевая сегментация как текстовое образование” посвящается проблемам соотношения КС с другими текстовыми фрагментами: абзацем и СФЕ, а также текстообразующим возможностям КС.

Абзац – сугубо строевой элемент с преобладающей информативной функцией в качестве семантического наполнения /М.Я. Дымарский: 1999, 173/. КС, таким образом, выступает как маркированный элемент, обладающий своей собственной оригинальной структурой. Абзац различается длиной и наполнением в зависимости от жанра и времени написания произведения. Это же самое мы вправе сказать и относительно КС. Абзац включает в себя элементы субъективной модальности и несколько микротем, объединенных одной общей ситуацией. КС также включает субъективную модальность, но является маркированной сама по себе. Графически КС в тексте как и абзац выделяется отступом. Но одновременно сохраняет свое структурное своеобразие. Сравним обычный абзац и КС:

Петрушка вошел, покачиваясь, держась как-то странно-небрежно и с какой-то холопски-торжественной миной на лице. Видно было, что он что-то задумал, чувствовал себя вполне в своем праве и смотрел совершенно посторонним человеком, то есть чьим-то другим служителем, но только никак не прежним служителем господина Голядкина.
/Ф.М.Достоевский: «Двойник» /.

Андрей Филиппович и незнакомая фигура закивали головами; его Превосходительство дергал в нетерпении из всех сил за шнурок колокольчика, дозываясь людей. Тут господин Голядкин-младший выступил вперед в свою очередь.

/Ф.М.Достоевский: «Двойник» /.

СФЕ следует скорее всего понимать как совокупность отдельных, связанных между собой предложений, не имеющих какой-либо устоявшейся формальной структуры.

Предложения объединяются на основе общей темы. Недостатком СФЕ признаем отсутствие строгой формы.

Определим отношения кольцевого сегмента и СФЕ как целого / части целого. При этом в роли целого может выступать как КС, так и СФЕ в зависимости от авторских установок в тексте.

Особое место уделяется стилеобразующей функции КС, которая проявляется в ограниченном круге текстов. Стилeобразующая функция - это: во-первых, большее количество КС в сопоставлении с другими текстовыми фрагментами, во-вторых, сюжетная значимость тех линий, которые описываются КС, в третьих, как следствие первых двух, - периферийность диалога, обычного абзаца и других средств уровня текста в формировании смысла произведения. Они выступают как вспомогательные, связующие структуры.

Третья глава «Динамика КС в русской прозе XIX - XX веков» посвящена анализу тех изменений, которые произошли в КС на протяжении XIX - XX веков. Иными словами, рассматривается динамика кольцевой сегментации.

Она заключается в отходе авторов пушкинской традиции от больших жанров, в результате чего повесть потеряла свою актуальность в творчестве А.П. Чехова и И. Бабеля. Ее место, как и позиции романа в литературе начала XX века занимает рассказ. Так, рассказы Чехова разных лет при общем объеме в 464 страницы включают в себя 55 КС (73 анализируемых рассказа), то есть в среднем на 8,4 страницы текста приходится 1 КС. Это подтверждает выдвинутое предположение о несвойственности крупных экспрессивных построений для рассказов. Роман Бабеля «Конармия», состоящий из ряда рассказов, имеет соотношение 4,2/КС (100 страниц/24КС), а отдельные рассказы 3,7/КС (26 страниц/КС).

Следовательно, экспрессивно выделенный абзац не является частотным в рассказах А.П. Чехова, а для рассказов И. Бабеля, напротив, характерен данный выделительный прием, что указывает на своеобразие поэтики обоих авторов.

Состояние КС в жанрах в конце XX века оцениваем на материале всего романного творчества С.Довлатова: в нем выделено 84 единицы, которые приходятся на 861 страницу текста (10,25/КС). Подобное нечастотное употребление вызвано общими тенденциями в русском литературном языке конца XX века, а именно существенным количественным снижением синтагматического начала.

В поэме "Двойник" на 148 страниц текста приходится 941 единица средств субъективной модальности со значением неопределенности и лишь 12 КС. Также интересна закономерность сосуществования КС и средств субъективной окраски фразового уровня. Так КС обычно не оформляет насыщенные экспрессией отрывки. Соответственно, данные средства входят в намеренно ограниченном составе в пределы КС.

Определяем нехарактерность явления КС в синтаксисе произведений Достоевского. Причинами тому являются: во-первых, акцентная выделенность и преобладание над всеми другими средствами субъективной модальности морфологических средств со значением неопределенности, во-вторых, своеобразный, "рваный" синтаксис не может обеспечить нормативность формальной организации КС. Прозе Достоевского свойственна неоконченность фраз, что, в свою очередь, часто является причиной разрушения разработки КС.

В романах И.С.Тургенева КС появляется обычно при оформлении отдельных законченных сюжетных линий, что делает ее присутствие маркированным по отношению ко всей остальной ткани текста. Произведениям Тургенева также свойственно использование пунктуационного богатства в конструкциях предложений. Особенно это справедливо по отношению к синтагматической разработке КС.

Рубеж XIX и XX века в литературе сопровождается рядом важных языковых изменений, основные два из которых нашли свое выражение и в смене ориентации КС в тексте. Традиция Пушкина - Тургенева поддерживалась малой группой авторов.

В результате изменений, произошедших в литературе начала XX века, в творчестве А.П. Чехова появляется новая разновидность нормативной КС, основным свойством которой становится коммуникативная направленность и, как следствие, участие в диалоговой структуре. Подобная структура оказалась неустойчивой и исчезла уже в позднем творчестве автора. Нормативная КС сохранилась в трансформированном виде с учетом активного влияния актуализирующего начала и во всем творчестве Чехова выступает как особый

экспрессивный стилистический прием на уровне разрешения конфликтов отдельных сюжетных линий.

Вторая интересная и значимая языковая тенденция, коснувшаяся КС, получила свое выражение в рассказах И. Бабеля. Назовем ее *имплицитно насыщенной иносказательностью*.

Я скорблю о пчелах. Они истерзаны враждующими
армиями. На Воляни нет больше пчел
Мы осквернили ульи. Мы морили их серой и взрывали
их порохом. Чадившее тряпье издавало зловонье в
священных республиках пчел. Умирая, они летали медленно
и жужжали чуть слышно. Лишенные хлеба, мы саблями
добывали мед. На Воляни нет больше пчел .
/И. Бабель: «Конармия»/

В литературе конца XX века большому количеству текстов свойственна парцелляция как способ экспрессивного расчленения текста на интонационно самостоятельные, акцентированные отрезки /Е.А. Иванчикова: 1986, 215/. Довлатовские тексты включают две названные единицы в свой состав на совершенно независимых друг от друга условиях. КС выступает в качестве экспрессивного варианта абзаца. Благодаря этому парцелляция видоизменяет и обогащает структуру КС, которая стала невозможной в большинстве текстов конца XX века.

Довлатов явился наследником творчества великих писателей, он сам создал свой неповторимый стиль. Прежде всего обращает на себя внимание кажущаяся простота стиля писателя. Описание каждодневных ситуаций, максимально приближенное к автобиографическому эссе, казалось бы должно полностью исключить экспрессию на синтаксическом уровне текста. Вместе с тем, принимая в расчет сказанное выше о традиционности, лежащей в основе творчества Довлатова, усомнимся в подобном утверждении. Очевидна формальная простота предложений.

В заключении в тезисной форме обобщены основные итоги исследования.

Проведено исследование по описанию роли кольцевой сегментации в литературе XIX - XX веков, в результате которого была выявлена особая структурная организация КС, которая заключается в чередовании типов прозы: кольцо составляют предложения актуализирующей прозы, а разработка находится в ведении синтагматической. Связь кольцевых сегментов с

предыдущим и последующим повествованием осуществляется благодаря глаголам в зачине и финале сегмента.

Принципиальным признаем разграничение понятий КС, абзаца и СФЕ и определение КС как экспрессивного варианта абзаца.

Особое значение приобретает разработка авторского кода, процесс кодирования текста, который осуществляется автором в соответствии со структурой КС, принципами экспрессивной модели, минимизации ситуации и т.д.

Основные публикации:

1. Кольцевая сегментация в «Пиковой даме» А.С.Пушкина // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 1999. Сер. 2. Вып. 4.
2. Абзац и кольцевая сегментация // Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 10. Грамматика (русско-славянский цикл). СПб., 2000.
3. Сверхфразовое единство - абзац - кольцевая сегментация: к истокам разграничения и функционирования в тексте // «Юрьевские чтения» Материалы междисциплинарной конференции молодых филологов. Вып. 1. СПб., 1999.